

Лана Барсукова

Любовь
анфас

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Художественное оформление серии *Анастасии Ивановой*

Иллюстрация на переплете *Анжелы Джерих*

Барсукова, Лана.
Б26 **Любовь анфас / Лана Барсукова.** — Москва :
Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN N978-5-04-101074-4

Кто-то ищет любовь во Всемирной паутине, а кто-то в заброшенной деревне. Кто-то ради любви колесит по земному шару, а кто-то готов променять большие города на маленький остров. Где бы ни происходило действие, читатель неожиданно узнает себя, своих соседей, знакомых, родных.

Обаяние текста, острая наблюдательность, ирония и неповторимый юмор остаются с вами надолго после того, как перевернута последняя страница. Современные, умные, ироничные женщины, а возможно, и их мужья, друзья и любовники с удовольствием будут читать и перечитывать эти истории.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN N978-5-04-101074-4

© Барсукова С., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ЖЕНСКИЙ КВАРТЕТ

Влюбленная Ворона

У Веры Павловны было две беды. Первая — быть тезкой героини Чернышевского. При встрече с ней любой образованный человек старался это как-то обозначить, чтобы не подумали, будто он не читал знаменитый роман «Что делать?». Конечно, он не читал. Потому что читать такое решительно невозможно, но так же невозможно сознаться в этом. При этом мало кто задумывался, насколько он неоригинален, говоря Вере Павловне о ее литературном двойнике. Дальше с неизбежностью шла шутка про сон: «Как спали? Коммунизм не снился?» Вера отвечала натренированным голосом, имитирующим радость от просвещенности книгочехя. «Надо же, как здорово пошутил!» — старалось изобразить ее лицо. Впрочем, получалось не очень искренне. Но Вера давно заметила, что если людям говорить приятное, то они заглатывают это без особой критичности. Вот если их начать ругать, то сразу укажут на несуразность претензий — «на себя посмотри», «а у самой-то» — и приведут прочие веские доводы, лишаящие претензии обоснованности. Вера понимала это и на рожон не

Лана Барсукова

лезла — умилялась шуткам по мотивам романа Чернышевского регулярно, терпеливо и бодро. И людям приятно, и ей не трудно. Сначала со скрипом шло, а потом, с годами, как-то легче стало, на автомате.

На рожон Вере было лезть не с руки. Потому что вторым печальным обстоятельством ее жизни был вечный любовный голод. В маленьком городке, где она жила, плотность Вериних романов сделала ее героиней бытового фольклора. Как и положено героиням, у нее было свое имя — Влюбленная Ворона. Почему? Есть такой мультфильм, в котором ворона по очереди влюбляется во всех обитателей леса и, закатив глаза, смешно вздыхает: «Какой заяц! Прелесть, а не заяц!» Вера этот мультфильм не знала, ей подруга Лариса рассказывала.

Забавно было то, что люди, не заглядывавшие в Чернышевского, смотрели мультфильмы. В отличие от них, Вера роман читала. Она вообще много читала. Практически все свободное от любовных терзаний время. А вот мультики не смотрела — не с кем. Детей у Веры не было. Это книгу можно и нужно читать в одиночестве, особенно «Что делать?», а мультики правильно смотреть, обнявшись с ребенком, чтобы одним глазом на экран, а другим на него — как он смеется, как хмурится. Вера так ясно представляла себе эту картинку, что не могла разрушить ее просмотром мультфильма в одиночку. Даже про Влюбленную Ворону, ее прототипа.

Вера не обижалась. Кому плохо от той вороны? Заяц? Волку? Она так и жила, постоянно подыскивая себе объект для любовных историй. Дальше

Влюбленная Ворона

все повторялось достаточно единообразно — в три прихода: сначала влюблялась, потом ее осаживали, в финале — страдания героини. Истории эти были скоротечны и мимолетны. Как карусель, на которую подсаживались все новые и новые персонажи. И только Вера не сходила с нее годами, от чего устала и приобрела тошноту как постоянное фоновое состояние. Она ждала принца. От него не требовалось, чтобы он повел ее во дворец, сыграл пир на весь мир и жил бы с ней долго и счастливо. Вера желала совсем другого. Принц должен был прекратить это движение по кругу, поддержать на земле, пока тошнота не уймется, дать опереться на него, пока голова кружится. Словом, нужно было плечо. Но места на карусели занимали очередные любители приключений. Они хотели прокатиться с ветерком, и останавливать карусель им не было резона. А накатавшись, соскакивали на полном ходу и шли домой, к женам, чтобы отдышаться и войти в нормальный жизненный ритм. Подруга Веры, вытирая ей слезы, так и определяла ситуацию: «Что? Опять соскочил?»

Любовный голод Веры не имел сексуального характера. Она спала со всеми, но к сексу была равнодушна. Просто начиталась романов, где секс был вершиной страсти. Ну если не вершиной, то этапом в отношениях. Как же без него? В романах никак. И Вера форсировала постель, надеясь, что книги плохого не посоветуют. К тому же голенький мужчина казался ей ближе, понятнее, как будто это малыш, только вытянутый в длину и в ширину. Она дарила себя, ожидая

Лана Барсукова

продолжения, развития, схода с карусели. Но карусель набирала обороты, и ничего не менялось. А годы шли. Морщинки появлялись, а принц — нет.

* * *

Подруга сосредоточенно разливала чай, одновременно поучая свою любимую, но бестолковую Веруську:

— Ты просто многого от них хочешь. Тебе с потрохами мужика подавай. Чтобы и умный был, и любил тебя, как в романах. Тут одно из двух. Зачем ты умному? Умный понимает, что вокруг женщин полно — молодых и веселых. Умный на тебе не женится. Тебе среднего надо. Тебе чай покрепче?

— Мне средний чай, — улыбнулась Вера. Она соглашалась с подругой. Все правильно. Не случайно у Лариски семья в полном комплекте: муж, дети, свекровь.

— Вот взять твоего последнего. Забыла, как его... У меня уже все имена твои, то есть их, перепутались. Ну чего ты на мужика наехала? Сахар он не тот купил. Коричневый, кстати, намного дороже. Надо было похвалить мужика за щедрость.

— Ларчик, ну какая щедрость? Как у Жванецкого? На трамвае прокатил — твоя? Понимаешь, я же ему рассказывала, как сахар в Европе появился, как кариесом гордились, потому что это была болезнь богатых. И разговор о коричневом сахаре зашел, что его издалека везут, на кораблях. А на кораблях всегда много крыс, так всегда было. На одном пиратском корабле из-за крыс... Я потом расскажу. Чтобы кры-

Влюбленная Ворона

сы сахар не попортили, его обкладывают ядом. Его есть нельзя. Лучше наш покупать, отечественный. Я же ему это говорила. А он, значит, не слушал меня. Понимаешь? Не слушал. Ты же знаешь, как я его любила, я бы с ним отравилась вместе, как Ромео и Джульетта. Хоть тем же сахаром. Но тут другое, он просто пропускал мои разговоры мимо ушей.

— Верусик, ты в своем уме? Какие Ромео и Джульетта? Он нормальный мужик был, а не итальянский юнец со склонностью к суициду. Да и ты не Джульетта. С учетом того, как они рожали, ты даже в матери ей не годишься. Разве что в бабушки.

— Почему это? — дернулась Вера. Возраст был ее больным местом.

— Давай считать. Джульетте было четырнадцать лет. Я сама не читала, но говорят. Положим, мать ее в шестнадцать родила. А что? У них там солнце и фрукты. Чего не рожать? Ешь фрукты и рожай, делов-то... Кормилицы выкормят. Получается, матери было лет тридцать. Бабуле — за сорок. Вот и вся математика — третий класс, вторая четверть.

— Ой, Ларчик, тошно мне. Что со мной не так? — всхлипнула Вера.

— Да ладно. Не плачь. Зато у них нет такого, что бы в сорок пять баба ягодка опять. А у тебя эта фишка еще впереди. Ты чай-то пей и сахар бери. Он у меня белый, краснодарский, — попыталась пошутить Лариса, понимая, что задела за живое.

— Плохо мне, Ларчик. Помнишь, как у Шекспира? «Быть или не быть?..» Мне сейчас не быть хочется. Все-таки Шекспир — гений. Не написал «умереть, от-

Лана Барсукова

равиться». Потому что умирать никто не хочет, хочется именно не быть, чтобы не страдать, не мучиться.

— Это из-за рифмы, Вер. Просто из-за рифмы. «Быть или не быть» — это что-то вроде «Ботинок и полуботинок», — вспомнился Ларисе эпизод про то, как Незнайка хотел стать поэтом.

— Нет, слово много значит. Вот в той истории с пиратами... — У Веры в глазах полыхнули море и пиратские страсти.

— Фиг с ними, с пиратами! Давай ближе к делу. Ты отмечать будешь? — решительно развернула разговор Лариса.

— Говорят, что сорок лет не отмечают. Примета плохая.

— Так мы и не будем отмечать. Просто посидим. Для полной конспирации перед темными силами можно даже без подарков.

— Ларчик, ну куда я без тебя? Вечно просишь девчонок, чтобы не заморачивались с подарками, а тут действительно можно на сорок лет все списать, чтобы не напрягать никого. Знаешь, в жизни и без мужиков есть своя прелесть, дружба например.

* * *

Дружба с Ларисой началась давно, когда у Веры не было ни денег, ни работы. Был такой период, сразу после института. И Лариса честно подставила плечо под Верины проблемы. Она шефствовала над ней, заботилась, опекала — к их обоюдному удовольствию. Но расклад в этой игре был однозначный:

Влюбленная Ворона

Вера — умненькая дуреха с несложившейся личной жизнью, а Лара — воплощение житейской мудрости и незамысловатой правды жизни.

На день рождения Вера пригласила, кроме Ларисы, Наталью Иосифовну и Марину. Это был ее золотой треугольник, нескораемый запас жизненных сил. Наталья Иосифовна была старше на двадцать лет. По жизни она активно брала на себя роль рулевого, но в присутствии Ларисы капитулировала. Двух маршалов на их компанию было многовато, поэтому Наталья Иосифовна добровольно разжаловала себя в рядовые. К тому же возраст поселил в ней сомнения, что ее советы нужны и важны для Веры. Она подозревала себя в несовременности и отмалчивалась на мужскую тему. С Натальей Иосифовной Вера чувствовала себя молодой, что приятно само по себе. Их обычные разговоры о книгах, фильмах и гладиолусах сплетали прочную ткань взаимной привязанности.

Марина была младше Веры на многие годы. Но считать разницу Вере не хотелось. Цифра получалась угрожающей. Дружба держалась на Маринином одиночестве в кругу сверстников. Она была не по годам зрелой — акселераткой изнутри. Маринина дружба страшно льстила Вере, как будто скашивала десяток ее лет. Но это «как будто» было непреодолимо. Иногда Вера ловила в беседах с Мариной горькие нотки своего возраста. Марина рассказывала ей о настоящем, а Вера частенько начинала со слов «у меня, помню, тоже было». И в этом ощущалась болезненная разница их возраста.

Лана Барсукова

«Какая строгая геометрия, — иногда думала Вера. — Одна подруга — ровесница, другая мне в дочки годится, третья — в матери». Но конструкция была странной только с виду. Внутри было уютно и душевно. Вера любила эта троицу и не сомневалась во взаимности.

На этот раз все пришли вместе, наверное, встретились, чтобы цветы купить. Это были яркие розы, которые, понятное дело, выбрала Лариса. Цветы любви, так сказать. Тонкий намек в толстом целлофане. Точнее, толстый намек в тонком обличье. Вера заметила, что в квартиру они заходили гуськом строго по возрасту, доверив вручение цветов самой старшей из подруг. Настроение было приподнятое, потому что в этом составе они встречались только у Веры. Она была связным этого сообщества, как сердцевина снежинки, лучи которой пересекались только в центре.

— Девочки, ну зачем тратились? Я бы и так вас покормила, — начала с порога снижать градус пафоса Верочка. Она знала, что Лариса, вдохновленная моментом, создает опасность долгих и пышных тостов.

— Ты других корми. Меня свекровь как на убой кормит. Я могу неделю про еду не вспоминать. Ой, девочки, не знаю, повезло ли с мужем, но со свекровью — точно, — начала рекламную акцию Лариска. Она вообще любила похвастаться, но делала это так явно и простосердечно, что никого этим не раздражала.

— Верочка, а ты, я смотрю, похудела, — начала строить лесенку комплимента Наталья Иосифов-

Влюбленная Ворона

на. Дескать, Вере худоба идет. Но не успела довести мысль до логического финала, как возбужденная обществом Лариса перехватила инициативу:

— И я о том же. Похудела конкретно. Ну ничего, вот выйдет замуж, похорошеет. Если, конечно, со свекровью повезет.

— Я не то имела в виду, ей и так хорошо, — стала оправдываться старшая подруга.

— Чего ей хорошо-то? Ей сегодня, на минуточку, сорок исполняется. А ни ребенка, ни котенка. Девочки, надо что-то делать.

— Лариса, не надо так говорить, — понизив голос, попросила Наталья Иосифовна.

— А чего молчать? — пошла в атаку Лариса, понимая, что перегнула палку. Но отступить было поздно, да и вообще отступить было не в ее характере.

— Дело в том, Ларисочка, что хороших мужчин всегда не хватало, — начала строить новую лесенку доводов Наталья Иосифовна, но сегодня был не ее день.

— Каких хороших? Тут просто нужен муж. А плохой он будет или хороший, это вскрытие покажет, — не унималась Лариска.

— Девочки, давайте к столу. Кажется, пока я была на кухне, вы меня опять замуж выдали. За кого? — изо всех сил изображала веселость Верочка, но чувствовала, что предел близок, она сейчас заплачет и на этом все закончится. Действительно, сорок лет отмечать не стоило.

— Значит, так, — вступила Марина.

С этих слов она обычно начинала поворачивать жизнь, как коммунисты направляли сибирские реки